

Тема семинара

Контурь эпохи Постмодерна:
новый цивилизационный контекст.
Россия в Новом мире

Доклад

Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный
контекст

А.И. Неклесса

Уважаемые коллеги, тема сегодняшнего разговора весьма широка — «*Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст*». Расширенный текст доклада и дополнительные материалы к нему были разосланы вам заранее, надеюсь, все смогли с ними ознакомиться.

Что же я понимаю под *эпохой модерна, постмодерна, цивилизационным контекстом* и т. д.? В этих понятиях сфокусировано несколько направлений профессиональной рефлексии относительно строения социального космоса, нередко они трактуются различным образом, но именно поэтому неплохо было бы разобраться, что же такое *Modernity, современность, глобализация*. И по мере сил попытаться очертить спектр позиций относительно категории постмодерна.

* * *

Однако почему возникает полифония точек зрения относительно той или иной исторической/социальной категории?

Этому вопросу я хотел бы посвятить предварительную часть доклада, а именно — рассуждению о методе.

Социальные науки — сегмент знания, обладающий выраженной спецификой. Сумма знаний об обществе базируется на существенно иных постулатах, нежели знания о природе. Если в естественных науках мы имеем дело с достаточно инертным миром (несмотря на быстро расширяющуюся Вселенную), то в социальных науках подобной вселенной устойчивых констант не существует. Конечно, мир природы инертен в сугубо определенном смысле, т. е. в смысле наличия «объективного предметного поля», обладающего более-менее неизменными константами. В социальных же дисциплинах их роль (констант) выполняют мировоззрение и соответствующая система ценностей. Однако мировоззрения бывают различными, порой существенно различными. Поэтому я предпочитаю оперировать понятиями *гуманитарное знание* и *социальная дисциплина*.

Столкновение мировоззрений, борьба за топологию будущего, обуславливают доминирование в человеческом обществе в тот или иной исторический момент той или иной системы ценностей, которые воплощаются, «материализуются» в формах культурной реализации, политической, экономической практики, распространяясь и утверждаясь в качестве социальной нормы.

Но поскольку человеческий космос — это динамичная, подвижная вселенная, с какого-то момента в доминирующей аксиологии и в ставшими привычными кодах практики начинают происходить сбои. Появляется некий исторический конкурент, символизирующий альтернативную систему взглядов и ценностей, в обществе выстраивается конфликтная, транзитная ситуация. Задача профессиональной рефлексии, собственно говоря, и состоит в том, чтобы понять, тем или иным образом отразить, предвосхитить подобную подвижность человеческого мира. Но в то же время — удержать определенность рациональности, вовремя осознать природу неурядиц. И обновив

А.И. Неклесса. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст

категориальный аппарат, выстроить социальную геометрию на основе новых социальных констант.

Ситуация социокультурного транзита настоятельно востребовала сегодня собственную грамматику перемен, обновление систем анализа/прогноза, инновационную методологию принятия решений в ситуациях неопределенности, постулирование нетривиальных принципов действия в сложной среде динамичного, многомерного социокосмоса.

Итак, мы оказались лицом к лицу с необходимостью интенсивной и продуктивной рефлексии радикально меняющегося положения вещей, осознания конъюнктурных и отдаленных следствий происходящего глобального переворота. А также перед императивом модификации языка в сфере дисциплинарного знания и формулирования «новой рациональности», обновления категориального аппарата социальных дисциплин в соответствии с переживаемым социальным и антропологическим транзитом.

* * *

Думаю, у нас нет разногласий относительно того, что мы живем в период стремительных изменений социальной реальности, пребывая во времени, когда обновляется композиция мироустройства, трансформируется логика мировых связей.

В чем видятся основания и одновременно яркие проявления данных процессов? За последнее столетие резко, в несколько раз возросла численность людей на планете, значительную часть которых составляют образованные, деятельные личности, уроженцы разных стран и народов. Технический прогресс и глобальная модернизация также принесли многочисленные плоды. В результате на планете начала формироваться интернациональная деятельная среда — своего рода глобальная оболочка прежнего мира, его надстройка, тесно связанная с разнообразными корпоратив-

ными сообществами (экономическими, неэкономическими и трансэкономическими), неправительственными организациями, высокотехнологичными организмами, оперирующими нематериальными активами, информатикой, финансами, накопленным цивилизацией интеллектуальным и культурным капиталом. Одновременно развилась сложная система материальных и электронных коммуникаций, умножения и трансляции знания, способов проекции влияния и силы, иных средств господства. Происходит серьезная мутация привычных кодов поведения, преобразуются практически все сферы социальной деятельности и частной жизни.

В итоге существенно увеличилось количество влиятельных и разноформатных ассоциаций, рожденных человеческим океаном, деятельных организмов, различающихся не только по формату и целеполаганию, но также по уровню воздействия на актуальные процессы современности.

Сегодня все большее распространение получают инновационные и амбициозные социальные, политические, экономические, культурные практики, основанные на альтернативных и модифицированных мировоззренческих и ментальных принципах. Практики, демонстрирующие признаки иного исторического целеполагания. А политическая конструкция мира все чаще обнаруживает симптомы нового, комплексного, «диффузного» мироустройства, элементы подвижной, трансграничной географии, пронизанной токами как государственных, так и трансгосударственных политий.

* * *

Ближайшим к нам достаточно продолжительным, исторически достоверным периодом, который мы достаточно хорошо изучили, является эпоха современности (*Modernity*).

Однако обозначившийся в течение XX в. транзит знаменует, кажется, предел исторического времени этой эпохи — времени формирования, возвышения и глобальной

А.И. Неклесса. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст

экспансии национальной государственности, становления индустриальной, промышленной экономики, торжества идей модернизации, секулярности, просвещения, культуртрегерства (в т. ч. «колониального»).

Наверное, следует сразу же оговорить специфику русского языка, в котором словом «современность», как правило, обозначается текущая ситуация (то, что в английском языке обозначалось бы словом «contemporary»). И лишь во вторую очередь «современность» употребляется в том специфическом значении, которое скрыто в словосочетании «эпоха Модерна». Понятие «Модернити» нам более знакомо в виде производной категории — «модернизация».

Относительно данной категории, впрочем, также существуют различные точки зрения, поскольку социальные дисциплины — это все-таки во многом искусство рассуждения. Дискурс, который становится признанным знанием в результате консенсуса профессионального сообщества. Поэтому более или менее единая точка зрения по данному вопросу существует, но в зависимости от исследовательской позиции она разнится.

Исторические рамки периода Модернити охватывают последние 350–400, максимум 500 лет. Иначе говоря, истоки периода отсчитываются различными исследователями от времени окончания Столетней войны (1453), Аугсбургского соглашения (1555), буржуазных революций в Соединенных провинциях (конец XVI — начало XVII) и Англии (1642–1649), Вестфальского мира (1648). Так или иначе, по эту сторону зыбкой исторической границы лежит эпоха Модернити — период, когда сформировалась и обустроилась *современная цивилизация*, ставшая доминантной, обретя со временем глобальные пропорции.

Новая эпоха основывалась на определенном образе прочитанном и усвоенном городском стиле жизни, ее основной движитель и вершитель судеб — буржуазия, бюргерство (горожане, граждане): у всех этих понятий единый корень.

Отличительными признаками эпохи Нового времени также является особая система политического устройства — национальное государство, обретшее динамику на путях развития промышленной, индустриальной экономики, а ее система ценностей базировалась на отрицании сословного мироустройства, на канонах представительной демократии, публичной политики, идеях модернизации и прогресса.

Постепенно в Европе, а затем и в остальном мире, выстраивалось единое цивилизационное пространство. Если бегло взглянуть на стадии становления буржуазного строя (оставив за гранью рассмотрения историю городов-государств Италии, торговых союзов, наподобие Ганзы, формирование Швейцарской конфедерации) — это обретение автономии, а потом и независимости от империи Республикой Соединенных Провинций (Нидерландами), Английская революция, временное существование Английской Республики и Славная революция конца XVII столетия, обретение независимости Соединенными Штатами в ходе Американской революции. Наконец, Великая Французская революция 1789 г., внесшая новые обертоны в понятие социальной революции, развившиеся уже в XIX в.

В середине XIX в. волна модернизации обогнула планету, существенно расширив географию нового строя и углубив социальные аспекты глобальной модернизационной революции. Видимые вехи процесса — война Севера и Юга в США (1861–1864), череда революций во Франции (1830, 1848–1850, 1870–1871), отмена крепостного права в России (1861), революция Мэйдзи в Японии (1868).

Окончательное утверждение строя и его глобальная манифестация совершается в следующем, XX веке.

* * *

Что касается глобализации, то в каком-то смысле она совершилась еще в конце XIX в., когда на Берлинском кон-

А.И. Неклесса. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст

грессе весь мир (за исключением Антарктиды) был поделен согласно принципу эффективного управления между основным корпусом модернизированных национальных государств-империй. Правда, это была достаточно специфичная глобализация — колониальная и зональная, несшая на себе родовые признаки сословного строя. При этом мир был не только освоен и поделен, но также и разделен тарифными барьерами, т. е. границами колониальных империй.

В XX в. мы наблюдаем сразу несколько траекторий становления и экспансии строя Модернити, когда процесс достигает своеобразного апогея и одновременно в недрах строя развивается его внутренняя коррозия, указующая на перспективу социальной тектоники.

В начале столетия происходит крах континентальных империй: Австро-Венгерская, Германская, Российская и Османская империи распадаются на множество как суверенных, так и зависимых государств. Российская империя при этом вскоре воссоздается в достаточно близких к прежней конфигурации границах, переходя в некое новое качество — государственность Союза ССР.

В середине века мы наблюдаем распад уже океанических империй. Уходят в прошлое такие колониальные империи, как Британская, Французская, Испанская, Португальская, Голландская, Бельгийская. На их месте появляется на свет значительное число новых государств, обретших суверенитет на осколках прежних колониальных владений.

Наконец, к концу столетия на обломках советской империи рождается еще одно поколение национальных государств — постсоветское.

В это же время набирает силу процесс глобальной трансформации социального космоса, получившей обобщающее название глобализации (хотя под этим ярлыком сосуществуют различные — порою чрезвычайно различные, процессы). Нижнюю границу периода (рубеж 1960–70-х гг.) различные исследователи характеризуют как «мировую революцию»,

«великий перелом», «глобальную трансформацию» и т. п. В представленных вашему вниманию материалах описываются события данного периода. Отмечу лишь совпадение в одной исторической точке процессов становления универсального сообщества национальных государств, доминирования культуртрегерских амбиций модернизационного строя, апогей поступательного развития индустриальной экономики — т. е. все то, что, сформировав основу единой цивилизационной оболочки планеты, позволило реализовать присутствие культуры Модерна во всемирном масштабе.

Но пик процесса одновременно означал смену исторических горизонтов, а также внутреннее перерождение прежней системы ценностей, целей, идеалов. Наиболее яркой чертой культурной и социальной трансформации стали процессы контркультурной революции и экспансии глобальной мультикультурности.

Параллельно кризису социальных и политических институтов наметился системный кризис экономики в прежнем формате. На рубеже 1960/70-х гг. ряд признаков указывали на исчерпание эффективности ее прежней формулы. Кризис распространился на темпы накопления и производительность капитала, соотношение материальных и нематериальных активов, роль человеческого фактора и на ряд других фундаментальных категорий.

Обозначилась некая историческая граница, лексической оболочкой которой на первых порах стала категория «постиндустриальной экономики». Одновременно после краха альтернативной системы «социалистического содружества» получает завершение процесс строительства единого мирового рынка. Происходит лексический сдвиг от понятия «мировая экономика» к новой категории «глобальная экономика».

Что такое мировая экономика? Это игра субъектов — национальных государств — на некотором объективном поле, т. е. мировом экономическом пространстве. В новой ситуации соотношение субъекта и объекта переворачивается.

А.И. Неклесса. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст

Появляется некий глобальный субъект — глобальная экономика, глобальный рынок, действующий на площадках национальных государств, национальных экономик, которые превращаются в сегменты геоконата (геоэкономической конструкции), своего рода «сообщество объектов».

Наконец, на повестке дня оказывается основной вопрос *современности*: какую форму примет новая цивилизационная конструкция?

* * *

Почему же цивилизационная? Рассуждая о цивилизации, следует помнить, что существует два основных подхода к этому понятию. Один, обозначенный в конце XVIII в. маркизом Мирабо, выводит категорию цивилизации из понятия цивилизованности, из понятия городской культуры, противопоставляя ей варварство и архаику, т. е. выстраивает своего рода триаду: архаика — варварство — цивилизация.

Иное прочтение категории цивилизации связано с именами Данилевского, Шпенглера, Тойнби — понятие цивилизации как культурно-исторического круга, оригинальной субэкумены, большого культурного пространства.

О чем собственно идет речь, когда мы сегодня говорим о цивилизационном кризисе? Речь идет, с одной стороны, о генезисе новой формы организации человеческого сообщества, отличной от прежней ее версии, прямо связанной с территорией обитания и ориентированной на стилистику городской жизни. А с другой стороны — о затухании миростроительных энергий цивилизации Модерна, о перерождении, мутации кодов модернизации в глобальном сообществе, снижении доминантных позиций этой формы культуры.

Если изменить ракурс рассмотрения проблемы, можно рассуждать о кризисе христианской цивилизации в новом глобальном контексте, о ренессансе ислама и авангардизме мирового Юга, о кризисе сообществ, связанных с протес-

тантским этосом, всей североатлантической цивилизации и т. д. Хотя вплоть до настоящего момента даже такие своеобразные и могучие культурно-исторические организмы, как китайская или индийская субэкумены (равно как и их элиты), руководствуются «правилами игры», обозначенными цивилизацией Модерна.

Логика новой политической организации мира может быть прочитана с различных позиций: а) реорганизация прежней государственной систематики, выстроенной на основе принципов национальной государственности; б) геоэкономического конструктивизма; в) диффузной организации мира, связанной с феноменом квазисуверенности и автономизации динамичных парapolитических организмов, наподобие корпораций-государств.

Более подробно эти направления политической реорганизации мира описаны в материалах к заседанию, предложенных вашему вниманию.

* * *

Набирающее темп инновационное социальное строительство пронизано энергиями не только экономических и политических, но также культурных, мировоззренческих, миростроительных амбиций.

XX в. ознаменовался социокультурной революцией, выдвинувшей и продвинувшей в сферу практики ряд новых версий прочтения цивилизационного текста. Секуляризация, выступив как надконфессиональная форма христианского мировоззрения, придающего особое значение свободе выбора, создала со временем культурную оболочку глобальных пропорций, вместившую в себя не только Ойкумену, но и разноликий планетарный Варваристан, прямо и косвенно способствуя расцвету мультикультурности, возрождению различных религиозных и культурных кодов, обустроив таким образом пространство открытой конкуренции миро-

А.И. Неклесса. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст

воззренческих систем. Однако вызванные к жизни распадом прежних скреп мироустройства прописи социально-идеологических проектов — коммунизма, фашизма (корпоративизма), нацизма, социальной демократии, тьермондизма, неоллиберализма — по мере воплощения проявляли ту или иную степень однобокости, ущербности, порою быстро преобразаясь из утопий в антиутопии.

Новый век характеризуется универсальностью и полнотой географической (коммуникационной) просторности, выразившейся в *глобализации*. Но одновременно с развитием на планете структур массового общества, общества потребления происходит становление нового протосуверена — активной личности, сообществ деятельных личностей, получивших доступ к полноте богатств технологической цивилизации, выражением чего стала *индивидуация* — предельное состояние земной человеческой свободы. Происходит высвобождение антропоструктур из-под суверенитета социоструктур, их институализация.

Постмодерн — это испытание пространств человеческой свободы, это также испытание и искушение человека достигнутой им степенью земного могущества. Постсовременная революция и контрреволюция — духи постиндустриализма и неоархаизации — могут иметь различные обличья. Они проявляются в виде смешения культур и эклектике мировоззренческих позиций; в генезисе гибких структур, свободных ассоциаций, объединенных формальными и неформальными контрактами; в драматичных метаморфозах Нового Севера и альтернативной экспансии Глубокого Юга.

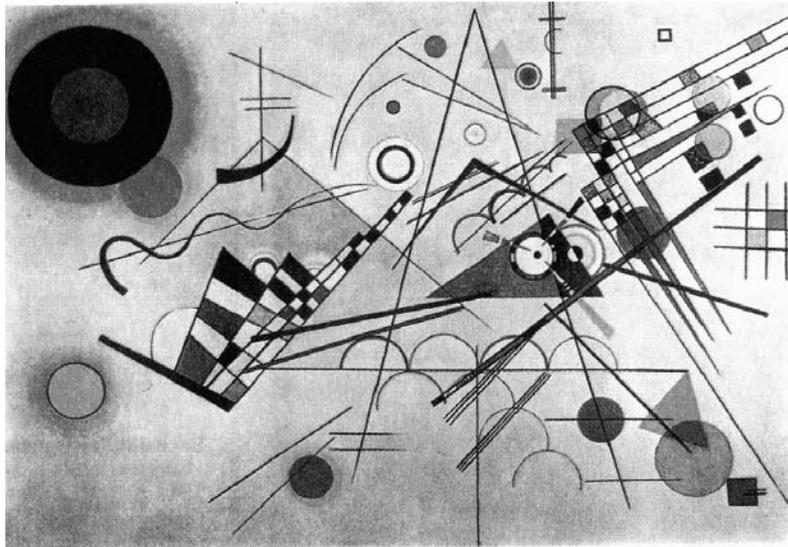
Триггером пересечения красной черты, разделяющей эпохи, точкой экспоненциального роста критических изменений в системе человеческого общежития может стать, к примеру, масштабная террористическая операция с применением средств массового поражения, либо массированный удар цивилизации с использованием ядерных или иных устройств, или глобальная пандемия, либо серьезный сбой фи-

нансовой/экономической системы. Мы наблюдаем генезис сложного общества, органично включающего в себя элементы хаоса. Но вряд ли можем сегодня предъявить сколь-либо устойчивый, долгосрочный прогноз развития среды.

Исторический транзит незавершен, открыт для влияний, и он не имеет, как я уже сказал, собственного сформировавшегося, «отформатированного» языка. Этот процесс социального творчества притягивает внимание не только политиков или аналитиков, но так или иначе вовлекает в свои стремнины значительную часть населения планеты.

Россия–РФ — новое государство с изменившимися ценностными ориентирами, геостратегическим мирополаганием, геополитическим контуром и геоэкономической картографией — находится на распутье в критический момент своей многовековой судьбы и одновременно в час выбора цивилизацией новых горизонтов истории. Правильный учет обозначившихся на этом фоне реалий, верное прочтение топографии театра действий во многом определяют нахождение стратегий действия, верных пропорций и сути исторической инициативы России в новом формате миростроительства.

Благодарю за внимание!

В. Кандинский. Композиция VIII. 1923 г.

В. Кандинский. Доминирующая кривая. 1936 г.